

Annotation

- [Спраг де Камп](#)
 - [1. ГОРЯЩИЕ ГЛАЗА](#)
 - [2. КРУГ СМЕРТИ](#)
 - [3. ЧЕРНАЯ КРЕПОСТЬ](#)
 - [4. ЗМЕЕЛЮДИ](#)
 - [5. ШЕПЧУЩИЕ ТЕНИ](#)
 - [6. СТО ГОЛОВ](#)
 - [7. БЕГСТВО ОТ КОШМАРА](#)
-

Спраг де Камп

Лин Картер

ЗАМОК УЖАСА

Конан не успел воплотить в жизнь свои планы построения черной империи с собой во главе. Эти планы были разрушены чередой стихийных катастроф и интриг его врагов в племени бамула, многие представители которого с негодованием воспринимали приход к власти в их племени чужестранца. Вынужденный бежать, он направляется на север через экваториальные джунгли и через травянистую степь в полуцивилизованное королевство Куш.

1. ГОРЯЩИЕ ГЛАЗА

За бездорожными пустынями Стигии лежали широкие луга Куша. На сотни лиг не было ничего, кроме бесконечных пространств густой травы. Местами попадались одинокие деревья, которые поднимались, чтобы нарушить плавно текущую монотонность степи: колючие акации, драконник с листьями в форме меча, заостренные изумрудные лобелии и ядовитый молочай, густо покрытый отростками. Время от времени редкий ручей прорезал неглубокую лощину через прерию, давая жизнь узкой галерее леса вдоль своих берегов. Стада зебр, антилоп, буйволов и других обитателей саванны кочевали через степь, подкармливаясь по мере движения.

Травы шептали и качались от бродящих ветров под темно-синим небом, в котором слепяще сверкало свирепое тропическое солнце. Время от времени вскипали облака и короткая гроза ревела и сверкала с яростью катастрофы, всего лишь чтобы умереть и очистить небо так же быстро, как появилась.

Через эту безграничную пустыню на исходе дня устало брела одинокая молчаливая фигура. Это был молодой великан, крепко сложенный, с перекатывающимися мышцами, которые выделялись под бронзовой от солнца кожей, изборожденной белыми следами прошлых ран. У него была большая грудная клетка, широкие плечи и длинные конечности; его скучный костюм, состоящий из набедренной повязки и сандалий открывал его могучее телосложение. Его грудь, плечи и спина загорели настолько, что были почти такие же черные как у коренных жителей этих краев.

Спутавшиеся локоны нечесаной гривы жестких черных волос обрамляли угрюмое, невозмутимое лицо. Под нахмуренными черными бровями свирепые глаза, горящие голубым, неустанно блуждали из стороны в сторону, когда он шел пружинящим неутомимым шагом через просторы равнины. Его внимательный взгляд пронизывал густую тенистую траву, которая росла со всех сторон и покраснела от заката, имевшего темно-красный цвет разозленного лица. Над Кушем скоро должна была опуститься ночь; во мраке ее затеняющих мир крыльев опасность и смерть бродили по пустыне в поисках добычи.

Но одинокий путник, а это был Конан Киммериец, не боялся. Варвар из варваров, он был выкормлен на суровых холмах далекой Киммерии, железная выносливость и свирепая жизнь дикой природы были ему сродни, даря ему выживание там, где цивилизованный человек, пусть даже более образованный, более воспитанный и более умудренный мог бы погибнуть жалкой смертью. Хотя путник сумел пройти пешком восемь дней, не имея еды, за исключением дичи, которую он убивал с помощью большого бамульского охотничьего лука, висевшего у него сейчас за плечом, этот могучий варвар сейчас все еще не приближался к пределам своих сил.

Конан давно привык к спартанской жизни на дикой природе. Хотя ему довелось испробовать вялую роскошь цивилизованной жизни в половине окруженных стенами, сверкающих городов мира, он не скучал по ним. Он продолжал идти к далекому горизонту, скрытому теперь темно-багровой дымкой.

За его спиной лежали непроходимые джунгли черных стран, граничащих с Кушем, где фантастические орхидеи горели в мрачной темно-зеленой листве, где свирепые черные племена вели опасную жизнь, прорубая места для поселений в зарослях кустарника, и где тишину троп во влажных тенистых джунглях нарушал только рык охотящегося леопарда, хрюканье дикой свиньи, напоминающий медные духовые рев слона или внезапный крик разозленной обезьяны. Больше года Конан прожил там, будучи военным вождем могущественного племени бамула. Наконец хитрые черные колдуны, ревниво относившиеся к приходу его к власти и возмущенные его неприкрытым презрением к их кровожадным богам и их жестоким кровавым обычаям,

отравили умы бамульских воинов, настроив их против их белокожего предводителя.

Это случилось следующим образом. К племенам, живущим в джунглях, пришло время долгой непрерывной засухи. С истощением рек и пересыханием колодцев пришла кровопролитная, ревущая война, когда черные племена сошлись в отчаянной битве за несколько оставшихся источников драгоценной влаги. Деревни исчезали в огне, целые роды вырезали или оставляли гнить. И тогда на гребне засухи, голода и войны пришла чума, чтобы очистить землю от людей.

Злые языки хитрых колдунов обвинили в этих бедах Конана. Они клялись, что это он принес все эти бедствия народу бамула. Боги разгневались за то, что этот бледнокожий чужестранец незаконно захватил украшенный трон долгой династии вождей бамула. С Конана, настаивали они, необходимо содрать кожу и умертвить с помощью тысячи изощренных пыток на черных алтарях богов зла, иначе всему народу суждено погибнуть.

Не предвкушая ничего доброго от такой мрачной перспективы, Конан дал быстрый разрушительный ответ. Он прикончил верховного жреца, проткнув его тело своим большим и широким северным мечом. Затем он опрокинул окровавленного деревянного идола бамульского божества на других шаманов и скрылся во тьме окружающих джунглей. Он наугад прошел на север много утомительных лиг, пока не достиг района, где густой лес поредел и уступил открытым пастбищам. Теперь он намеревался пересечь пешком саванну, чтобы добраться до королевства Куш, где он мог найти работу для своих варварских сил и для своего тяжелого меча на службе у смуглых монархов этой древней страны.

Вдруг его мысли были оторваны от размышлений о прошедшем будоражащим ощущением опасности. Какой-то первобытный инстинкт выживания насторожил его, сообщив о присутствии опасности. Он остановился и осмотрелся вокруг себя, глядываясь в длинные тени, отбрасываемые от света заходящего солнца. Поскольку волосы на затылке варвара стали торчком от прикосновения невидимой угрозы, великан варвар втянул воздух чувствительными ноздрями и исследовал мрак тлеющими глазами. Хотя он ничего не увидел и не почувствовал никакого запаха, таинственное чувство опасности, воспитанное жизнью в дикой природе, сказали ему, что опасность рядом. Он ощутил пуховое прикосновение невидимых глаз и, обернувшись, увидел мельком пару больших кругов, мерцающих во мраке.

Почти в то же мгновение светящиеся глаза исчезли. То что он видел было настолько кратковременным, а его исчезновение — таким быстрым, что у него появилось искушение отбросить видение как плод своего воображения. Он повернулся и снова пошел вперед, но теперь он был начеку. Когда он продолжил свой путь, пылающие глаза снова появились в плотной тени густой травы чтобы следовать за его молчаливым движением вперед. Рыжевато-коричневые выгнутые фигуры скользили за ним на бесшумных лапах. За ним увязались кушитские львы, жаждущие горячей крови и свежего мяса.

2. КРУГ СМЕРТИ

Через час на саванну опустилась ночь, за исключением тонкой полоски закатного зарева вдоль западного горизонта, на фоне которого черным силуэтом стояло маленькое одинокое и чахлое дерево степи. Конан уже почти достиг пределов своей выносливости. Трижды львицы бросались на него из теней справа или слева. Трижды он отбивался от них летучей смертью своих стрел. Хотя трудно было стрелять прямо в сгущающуюся тьму, взрывы рева нападающих львов трижды говорили ему о попадании, хотя ему не дано было узнать убил он или только ранил смертоносных хищников.

Но сейчас его колчан был пуст и он знал, что это уже только дело времени, когда молчаливые убийцы утащат его. По его следу шло сейчас восемь или десять львов и даже в душе сурового варвара звучал крик отчаяния. Даже если на его могучий меч придется один или два нападающих, остальные разорвут его на кровавые куски до того как он успеет размахнуться или вонзить меч опять. Конан встречал львов раньше и знал их невероятную силу, которая позволяла им поднимать и тащить целую зебру с такой же легкостью, как кошка мышь. Несмотря на то, что Конан был одним из самых сильных людей своего времени, от этой силы было бы столько же пользы, сколько от сил маленького ребенка, если бы лев достал Конана хотя бы раз своими когтями или зубами.

Конан продолжал бежать. Он бежал уже почти час большими быстрыми прыжками, покрыв много лиг. Сначала он бежал без усилий, но сейчас лишающее сил напряжение его путешествия через черные джунгли и восьмидневного перехода по равнине начало давать знать о себе. У него поплыли пятна перед глазами и болели мышцы ног. Каждый сумасшедший удар сердца, казалось, лишает его сил, оставшихся в его могучей фигуре.

Он молил дикарских богов, чтобы луна вышла из плотных грозовых туч, закрывших большую часть неба. Он молился, чтобы появился холмик или дерево, которые бы нарушили идущую плавными волнами плоскость равнины, или хотя бы валун, к которому он мог бы стать спиной, чтобы в последний раз постоять за себя.

Но боги не слышали. Единственными деревьями в этом районе была карликовая, покрытая шипами поросль, которая поднималась вверх на шесть-восемь футов и затем разбрасывала свои ветви горизонтально, образуя подобие гриба. Если бы ему удалось, не взирая на колючки, взобраться на такое дерево, первый же лев, добравшийся до основания дерева, с легкостью одним прыжком сбросил его вниз на землю. Единственными холмиками были гнезда терmitов, некоторые из которых были высотой в несколько футов, но слишком маленькими для обороны. Ничего не оставалось как продолжать бежать.

Для того чтобы облегчить себя, он отбросил большой охотничий лук, когда истратил последнюю стрелу, хотя выбрасывание такого великолепного оружия резануло ему сердце. Колчан и ремни вскоре отправились вслед. Теперь на нем остались всего лишь набедренная повязка из шкуры леопарда, высоко зашнурованные сандалии, в которые были обуты его ноги, бурдюк с водой и тяжелый широкий меч, который он теперь нес в ножнах в одной руке. Расстаться с этим означало лишиться последней надежды.

Львы теперь шли за ним почти по пятам. Он слышал сильный запах их гибких тел и слышал их тяжелое дыхание. Теперь они могли в любой момент окружить его и он в последний раз вступит в яростную схватку за свою жизнь перед тем как они уложат его.

Он рассчитывал, что преследователи будут следовать своей старой возрастной тактике. Самый старый самец — вожак стаи — будет следовать прямо за ним, а с обеих сторон от него будут самцы помоложе. Более быстрые львицы забегут вперед с обеих сторон, образуя полукруг,

пока не будут достаточно далеко впереди чтобы кольцо замкнулось и он оказался в ловушке. Тогда они бросятся на него все сразу, делая какие-либо попытки защититься невозможными.

Вдруг землю залил свет. Круглый серебристый глаз восходящей луны осветил равнину, купая своим взглядом бегущую фигуру великана-варвара и рисуя линии серебристого огня вдоль струящихся мускулов львов, мчащихся прыжками за ним по пятам, омывая их короткий шелковистый мех своим призрачным сиянием.

Настороженный взгляд Конана поймал лунный свет на струящемся мехе слева впереди и он понял, что окружение почти закончено. Подготовившись внутренне встретить нападение он был удивлен, увидев, что та самая львица изменила направление бега и остановилась. Двумя прыжками он обогнал ее. На бегу он заметил, что молодая львица с правой стороны тоже внезапно остановилась. Она, замерев, присела на траву подергивала и била хвостом. Станный звук — наполовину рев, наполовину вой — исходил из ее оскаленной пасти.

Конан рискнул замедлить бег и оглянуться. К своему крайнему удивлению он увидел, что вся стая остановилась как бы перед невидимым барьером. Они стояли рычащим строем и их клыки сверкали как серебро в лунном свете. Сотрясающий землю рев ярости от сорванных планов исходил из их глоток.

Конан задумчиво прищурился и его хмурые брови сошлись от изумления. Что остановило стаю в тот самый момент, когда львы были уже наверняка с добычей? Какая невидимая сила остановила яростное преследование? Он стоял, какое-то мгновение глядя на них, держа в руке меч и думая о том, возобновят ли они свою атаку. Но львы оставались на месте, рыча и ревя так, что пена капала из их челюстей.

И тут Конан заметил странную вещь. Место, где остановились львы, казалось, находится на демаркационной линии, проходящей через равнину. С одной стороны от нее росла густая, высокая, сочная трава. На невидимой границе, однако, трава становилась тонкой, щетинистой и неразвитой, с широкими прогалинами голой земли. Хотя Конан не мог ясно различить цвета при одном лишь лунном свете, ему показалось, что траве на ближней к нему стороне линии недоставало нормального для растений зеленого цвета. Напротив, у его ног трава казалась сухой и серой, как если бы вся жизнь из нее была выщелочена.

По обе стороны от себя в ярком лунном свете ему было видно уходящее вдаль пространство, покрытое мертвой травой, как если бы он одиноко стоял в широком круге смерти.

3. ЧЕРНАЯ КРЕПОСТЬ

Хотя у Конана все тело еще болело от усталости, но короткая передышка дала ему силы продолжить движение вперед. Поскольку он не знал природы невидимой линии, которая остановила львов, он не мог сказать сколько времени это таинственное влияние будет удерживать их в страхе. Поэтому он предпочел насколько возможно увеличить расстояние между собой и стаей.

Вскоре он увидел, что перед ним вырисовалась из сумрака темная масса. Он двинулся вперед с удвоенной осторожностью, держа меч в руке и всматриваясь в туманную громаду впереди. Луна по-прежнему сверкала, но с расстоянием это сияние становилось более тусклым, как если бы оно проходило сквозь какой-то сгущающийся туман. Поэтому сначала Конан ничего не мог разглядеть в черной однородной массе, которая вставала перед ним из равнины. Он только видел ее размер и неподвижность. Как какой-то колоссальный идол примитивного поклонения дьяволу, высеченный неизвестными существами из черной каменной горы на заре времен, темная масса неподвижно сидела, окруженная мертввой серой травой.

Когда Конан подошел поближе, в темном однородном пятне стали различимы детали. Он увидел, что это огромное сооружение, которое лежало частично в руинах на равнинах Куша — колоссальное строение, воздвигнутое неизвестными руками с какой-то непонятной целью. Оно выглядело как замок или крепость, но такого архитектурного стиля, который Конану никогда не встречался. Сделанное из твердого черного камня, оно поднималось сложным фасадом с колоннами, террасами и зубчатыми стенами, силуэт которых казался странно искаженным. Взгляд не мог воспринять его. Взгляд следовал за выкручивающими мозги изгибами, в которых что-то казалось немного неправильным, таинственно искривленным. Огромное сооружение создавало впечатление хаотического недостатка порядка, как если бы строители были не совсем в своем уме.

Конан оторвал свой взгляд от кружящих голову изгибов бесформенной массы, сложенной из камня, от одного взгляда на которую у него начинала кружиться голова. Он подумал, что теперь наконец может постичь почему степные звери избегали этой распадающейся кучи. От нее каким-то образом исходила аура угрозы и ужаса. Возможно, за тысячелетия, в течение которых черная крепость сидела на равнине, животные стали бояться ее и избегать ее затененные окрестности, пока эта привычка избегать не стала инстинктивной.

Луна внезапно скрылась опять от того, что высоко нагроможденные грозовые тучи снова затемнили ее вечное лицо. Прогрохотал раскат отдаленного грома и изучающий взгляд Конана уловил огненную вспышку молнии в кипящих массах туч. Вот-вот должна была разразиться одна из внезапных, ураганных гроз саванны.

Конан колебался. С одной стороны, любопытство и необходимость в укрытии от наступающей бури тянули его в разваливающуюся крепость. С другой, ум варвара испытывал глубоко коренящееся отвращение ко всему сверхъестественному. К земным, имеющим отношение к смертным, опасностям он не испытывал никакого страха, но потусторонние опасности могли вызвать паническую дрожь в его нервах. А в этом таинственном сооружении что-то намекало на сверхъестественное. В самых глубоких слоях сознания он чувствовал исходящую от него угрозу.

Еще более громкий раскат грома заставил его принять решение. Сжав нервы железной хваткой, он уверенно направился в темный портал, держа в руке обнаженную сталь, и исчез внутри.

4. ЗМЕЕЛЮДИ

Конан не спеша шел вдоль зала с высокими сводами, не обнаруживая ничего живого. Пыль и сухие листья в беспорядке валялись на черном полу. Истлевший мусор кучами громоздился в углах и у оснований высоких каменных колонн. Какой бы старой не была эта каменная громада, было очевидно, что ни одна живая душа не обитала здесь уже несколько столетий.

Зал, открывшийся взору очередным коротким появлением луны, был высотой в два этажа. Защищенный перилами балкон тянулся вдоль второго этажа. Испытывая любопытство заглянуть глубже в тайну этого загадочного сооружения, которое находилось здесь, на равнине, за сотни лиг от ближайшей другой каменной постройки, Конан бродил по коридорам, которые извивались как след змеи. Он заходил в пыльные комнаты, о изначальном предназначении которых он даже не мог догадываться.

Замок был устрашающего размера, даже для того, кто видел храм бога-паука в Йезуде в Заморе и дворец короля Йилдиза в Аграпуре в Туране. Большая часть его — фактически одно целое крыло — развалившись, превратилось в однородную массу наваленных черных камней, но часть, которая осталась в большей или меньшей степени невредимой, по-прежнему превосходила размерами любое здание, которое видел Конан. О возрасте постройки нельзя было ничего предположить. Черный оникс, из которого она была сложена, не был похож ни на один из камней, которые Конан видел в этой части мира. Он, должно быть, был перенесен через огромные расстояния

— почему, Конан не мог представить себе.

Некоторые черты причудливой архитектуры сооружения напомнили Конану древние захоронения в ненавистной Заморе. Другие наводили на мысль о запретных храмах, которые он мельком видел в далекой Гиркании во время своей службы наемником у турецев. Но он не мог сказать, был ли этот замок воздвигнут именно как могила, крепость, дворец, храм или как их сочетание.

И потом, в этом замке было что-то тревожно чужеродное, от чего Конан чувствовал смутное беспокойство. Если фасад еще казался построенным в соответствии с канонами какой-то чуждой геометрии, то интерьер сбивал с толку. К примеру, ступени лестниц были значительно шире и ниже, чем требовалось для ног человека. Дверные проемы были слишком высокие и узкие настолько, что Конану приходилось поворачиваться боком, чтобы пройти сквозь них.

На стенах был выложен неглубокий рельеф со свернутой в кольца геометрической вязью запутывающей, гипнотизирующей сложности. Конан обнаружил, что ему приходится отрывать взгляд от украшенных рельефом стен усилием воли, иначе его мозг приковывался к шифрованным символам, образуемым извивающимися линиями.

По сути, все в этом странной, затуманивающей мозг каменной загадке напоминало Конану о змеях — извилистые коридоры, извивающиеся орнаменты и даже, подумал он, слабый след мускусного запаха змей.

Конан остановился, задумчиво нахмурив брови. А может быть эти неизвестные руины были воздвигнуты змееподобным народом древней Валузии? Дни этого дочеловеческого народа лежали в неподдающемся мысли удалении во времени, до зари самого человечества, в непроглядных туманах времени, когда землей правили гигантские рептилии. Прежде чем возникли Семь Империй еще перед Катастрофой — еще до того как Атлантида поднялась из вод Западного океана — уже тогда правили на земле змеелюди. Они исчезли задолго до прихода человека — но не полностью.

У костров в суровых холмах Киммерии и потом опять в мраморных дворах немедийских

храмов Конан слышал легенду о Кулле, короле-атланте Валузии. Змеелюди сохранились в некоторых местах с помощью своей магии, которая позволяла им являться другим в виде обычных человеческих существ. Но Куллу удалось раскрыть их тайну и очистить свое королевство от этой заразы, уничтожая их огнем и мечом.

И все же, возможно черный замок с его чужестранной архитектурой был осколком той далекой эры, когда люди сражались за власть на планете с этими выжившими в затерянных веках рептилиями?

5. ШЕПЧУЩИЕ ТЕНИ

Первая гроза прошла мимо черного замка. Недолго слышался говорок дождевых капель, падавших на крошащиеся камни, и вода струйкой стекала через дыры в крыше. Потом молнии и гром стихли, потому что буря ушла на запад, снова оставив незакрытую луну светить через проемы в каменных стенах. Но за этой грозой спешили другие, бормоча и бросая вспышки на востоке.

Конан беспокойно спал в углу балкона над большим залом, вздрагивая и поворачиваясь как какое-то настороженное животное, которое смутно чувствует приближение опасности. Осторожность заставила его усомниться в безопасности сна в зале перед широко распахнутыми дверями. Даже несмотря на то, что круг смерти, казалось, отгораживает от обитателей равнины, он не доверял невидимой силе, которая держала зверей в страхе.

Десяток раз он вскакивал, проснувшись, хватался за меч и изучал мягкие тени перед собой в поисках того, что разбудило его. Десяток раз он ничего не обнаруживал в мрачной шире древних развалин. Каждый раз он опять устраивался подремать и, однако, смутные тени собирались вокруг него и он слышал в пол-уха шепчушие голоса.

Утомленно прорычав ругательство своим варварским богам, киммериец проклял все тени и эхо, отправив их в одиннадцать багровых кругов Ада его мифологии и снова свалился, пытаясь задремать. Наконец он уснул глубоким сном. И ему приснился странный сон.

Казалось, что хотя тело его спит, но дух бодрствует и насторожен. Нематериальные глаза его Ка, как называли это стигийцы, видели как сумрачный балкон залит тусклым, кровавого оттенка светом от невидимого источника. Это не был ни серебряный блеск луны, которая бросала косые лучи в зал через проемы в камне, ни бледные вспышки отдаленных молний. В этом кровавом свечении дух Конана видел плавающие тени, которые пролетали как летучие мыши, сделанные из облаков, среди черных мраморных колонн — тени с мерцающими глазами, наполненными безумным голодом, тени, в шепоте которых нельзя было услышать ничего кроме какофонии издевательского смеха и зверских криков.

Дух Конана откуда-то знал, что эти шепчушие тени были призраками тысяч чувствующих существ, которые умерли в этом древнем сооружении. Откуда он знал это, он не мог сказать, но для его Ка это был ясный факт. Неизвестный народ, который воздвиг эти громадные руины — то ли змеелюди из валузийской легенды, то ли какая-то другая забытая раса — окропила мраморные алтари черного замка кровью тысяч жертв. Их призраки навечно были прикованы к этому замку ужаса. Возможно, они были привязаны к земле каким-то могучим заклятием дочеловеческого волшебства. Возможно, это было то же заклятие, которое отпугивало степных зверей.

Но это было еще не все. Призраки черного замка жаждали крови живого существа — крови Конана.

Его истощенное тело лежало, скованное глубоким сном, в то время как тени призраков витали вокруг него, хватаясь за него неосозаемыми пальцами. Но дух не может причинить вред живому существу, пока не проявится на физическом уровне и не воплотится в какой-либо материальной форме. Эти орды тараторящих теней были слишком слабы. Ослабев от долгого недоедания, они теперь уже не могли с легкостью материализоваться в бродячие орды вурдалаков.

И дух спящего Конана каким-то образом знал об этом. Пока его тело продолжало спать, его Ка следило за движением на астральном уровне и смотрело как вампирические тени хлопают нематериальными крыльями возле головы спящего и хлещут неосозаемыми когтями у его

пульсирующего горла. Но, несмотря на все их безголосое бешенство, они не могли причинить ему вред. Он продолжал спать, связанный чарами.

Через неопределенное время в красном астральном свечении произошла перемена. Привидения собирались вместе в бесформенную массу сгущающихся теней. Хоть они и были безмозглыми мертвяками, голод привел их к жуткому союзу. У каждого призрака оставался небольшой запас той жизненной силы, которая вела к материальному воплощению. Теперь каждый призрак сливал свой скучный запас с запасом своих братьев-теней.

Постепенно ужасная фигура, вскормленная жизненной силой десяти тысяч призраков, начала материализоваться. В сумраке черного мраморного балкона она медленно появлялась из кружавшегося облака частиц-теней.

А Конан продолжал спать.

6. СТО ГОЛОВ

Оглушающе грянул гром; молния сверкнула огнем над потемневшей равниной, где снова скрылся свет луны. Громоздящиеся одна на другую грозовые тучи взорвались, проливая потоки ливня на заросшие травой низины.

Стигийские охотники на рабов ехали всю ночь, прижимаясь к югу к лесам Куша. Их экспедицию трудно было назвать удачной; ни один черный из кочевых охотничьих и скотоводческих племен саванны не попал в их руки. Они не знали — война или мор очистили землю от людей, или племена, предупрежденные о появлении охотников на рабов, бежали вне их досягаемости.

В любом случае, казалось, что им больше повезет в буйных джунглях юга. Лесные негры жили в постоянных деревнях, которые охотники могли окружить и взять быстрым внезапным нападением на заре, хватая жителей как рыбу в сеть. Жителей слишком старых, слишком молодых или слишком слабых, чтобы вынести дорогу обратно в Стигию, они убили бы на месте. Затем они погонят оставшихся несчастных, связанных вместе в одну человеческую цепь, на север.

Стигийцев было сорок, они были на хороших лошадях, в шлемах и длинных кольчугах. Это были высокие, смуглые люди с ястребиными лицами и могучими мускулами. Они были лишенными чувств убийцами — крепкими, хитрыми, бесстрашными и беспощадными, испытывающими не больше угрызений совести при убийстве нестигийца, чем большинство людей испытывает, прихлопывая комара.

Сейчас первый ливень бури разметал их колонну. Ветер хлестал по их шерстяным накидкам и льяным рубахам и бросал гривы их лошадей в лица. Почти непрерывное сверкание молний ослепило их.

Их предводитель увидел черный замок, очертания которого смутно вырисовались над лугом, потому что сверкающая молния сделала его видимым в темноте под завесой дождя. Он прокричал горянную команду и ударил шторами в ребра своей большой черной кобылы. Другие, пришпорив лошадей, последовали за ним и поехали к мрачным бастионам с цокотом копыт, скрипом кожи и звоном кольчуг. В расплывчатом от дождя и ночи пятне ненормальность фасада не была видна, а стигийцы жаждали попасть в укрытие пока совсем не промокнут.

Они вошли, топая ногами, ругаясь и мыча и стряхивая воду с накидок. Через мгновение мрачная тишина руин была разрушена шумом. Собрали хворост и сухие листья; ударили кремнем и сталью. Скоро дымный, шипящий огонь поднялся в центре мраморного пола чтобы окрасить покрытые рельефом стены в ярко-оранжевый цвет.

Люди сбросили переметные сумы, развязали мокрые бурнусы и расстелили их сушиться. С трудом они выбрались из своих кольчуг и принялись вытирать с них влагу промасленными тряпочками. Они открыли переметные сумы и погрузили крепкие белые зубы в круглые буханки твердого черствого хлеба.

Снаружи ревела и сверкала вспышками буря. Потоки дождевой воды водопадами стекали через проемы в стенах. Но стигийцы не обращали на них внимания.

Вверху на балконе молча стоял Конан, проснувшись, но дрожащий от трепета, который сотрясал его могучее тело. Ливень разрушил заклятие, которое держало его в плена. Вздрогнув, он начал искать глазами сгусток тени — скопление призраков, которое он видел формировавшимся в своем сне. Когда блеснула молния, ему показалось, что он заметил темную бесформенную фигуру в дальнем конце балкона, но он не рискнул подойти ближе чтобы рассмотреть ее.

Пока он размышлял о том, как ему покинуть балкон, не проходя в пределах досягаемости Этого, топая и ревя вошли стигийцы. Вряд ли они были лучше призраков. Скорее всего, они бы с удовольствием схватили его, чтобы сделать рабом. Несмотря на всю свою огромную силу и опыт во владении оружием, Конан знал, что ни один человек не в силах противостоять одновременно сорока хорошо вооруженным противникам. Если он немедленно не выберется отсюда и не убежит, они спустят его сами. Ему приходилось выбирать либо быструю смерть либо пожизненные горькие стенания от тяжелой работы рабом в Стигии. Он не знал что лучше.

Если стигийцы отвлекли внимание Конана от призраков, они таким же точно образом отвлекли внимание призраков от Конана. В своем безумном голоде тени забыли о Киммерийце ради сорока расположившихся внизу стигийцев. Там было достаточно живой плоти и жизненной силы, чтобы во много раз больше насытить их вампирский голод. Как осенние листья они поплыли через перила балкона вниз, в зал.

Стигийцы распростерлись вокруг костра, передавая из рук в руки бутылку вина и разговаривая на своем гортанном языке. Хотя Конан знал лишь несколько слов на стигийском, из интонаций и жестов он мог понять о чем шел спор. Предводитель — гладко выбритый великан, ростом как сам Киммериец, — клялся, что он не рискнет идти в ливень в такую ночь. Они подождут до зари в этих разваливающихся руинах. По крайней мере, крыша местами казалась целой и там можно было лежать так, чтобы не попадали капли.

Когда было опустошено еще несколько бутылок, стигийцы, уже согревшиеся и обсохшие, устроились спать. Костер горел слабо, потому что хворостом, который они подкладывали нельзя было поддержать долго хорошее пламя. Предводитель указал на одного из людей и что-то резко произнес. Мужчина запротестовал, но после недолгого спора он со стоном поднялся и натянул кольчугу. Конан понял, что его выбрали стоять первую смену на страже.

Теперь, держа в руке меч и надев щит на другую, часовой стоял в тени на краю освещенного умирающим костром места. Время от времени он медленно прохаживался взад-вперед по залу, останавливаясь, чтобы заглянуть в извилистые коридоры или выглянуть через передние двери наружу, где буря уже отступала.

Пока часовой стоял у главного входа, повернувшись спиной к своим товарищам, мрачная фигура образовалась среди хранивших охотников на рабов. Она медленно вырастала из кольщающихся облаков бесплотных теней. Составившееся создание, которое постепенно обретало форму, было сделано сложением жизненных сил тысяч мертвых существ. Оно приобрело ужасную форму

— огромная масса, из которой во все стороны отходили бесчисленные уродливые конечности и отростки. Десяток коротких ног поддерживал его чудовищный вес. Сверху подобно ужасным плодам отросло множество голов: некоторые из них напоминали живые, с лохматыми волосами и бровями; другие были просто кусками мяса, на которых случайным образом располагались глаза, уши, рты и ноздри.

Увидеть это стоголовое чудовище в сумрачно освещенном огнем костра зале было достаточно, чтобы кровь застыла в жилах от ужаса у самого отважного человека. Конан почувствовал как у него поднялись волосы на затылке и как по коже поползли мурашки, когда он увидел внизу это зрелище.

Чудовище пошатываясь двинулось по полу. Неустойчиво наклонившись, оно схватило одного из стигийцев полудюжиной своих жадных когтистых лап. Когда человек с криком проснулся, кошмарное Это разорвало свою жертву на части, обрызгав его спящих товарищей окровавленными, капающими кусками человека.

7. БЕГСТВО ОТ КОШМАРА

В одно мгновение стигийцы вскочили на ноги. Хоть они и были закаленными разрушителями, зрелище было достаточно страшным, чтобы вызвать у некоторых из них крики ужаса. Обернувшись на первый крик, часовой бросился обратно в зал, чтобы зарубить чудовище мечом. Выкрикивая команды, предводитель схватил ближайшее оружие и ринулся в бой. Остальные, хоть и были безоружные, взъерошенные и оторопевшие, схватили мечи и копья, чтобы защититься от массы, которая хватала и убивала их.

Мечи рубили бесформенные бедра чудовища, копья вонзались в раздутое, раскачивающееся брюхо. Отрубленные хватающие кисти и руки с глухим звуком падали на пол, продолжая сгибаться и сжиматься. Но чудовище, которое, казалось, не испытывало боли, продолжало хватать одного человека за другим. Некоторым стигийцам своими душащими руками оно отвернуло головы. Других хватало за ноги и разбивало на кровавые куски об колонны.

Пока Киммериец смотрел за происходящим сверху, дюжина стигийцев была избита или разорвана насмерть. Ужасные раны, нанесенные чудовищу оружием стигийцев, мгновенно затягивались и заживали. Отсеченные головы и руки заменились новыми, которые выросли из грушевидного туловища.

Увидев, что у стигийцев нет ни единого шанса спастись от чудовища, Конан решил сбежать, пока Это все еще было занято охотниками на рабов и пока оно не обратило внимание на него. Сочтя глупым идти через зал, он нашел более прямой выход. Он выбрался через окно. Оно вело на террасу крыши с проломленной черепицей, где от любого неосторожного шага он мог упасть через пролом на уровень земли.

Дождь утих, перейдя в изморось. Луна, которая теперь была почти над головой, снова прерывисто бросала лучи. Глянув вниз с парапета, который окружал террасу, Конан нашел место, где наружные изгибы вместе с поднимающимися вверх лианами давали возможность спуститься. С проворностью обезьяны он начал спускаться, перебирая руками, вниз вдоль покрытого странными изгибами фасада.

Теперь луна засияла в полную силу, освещая внизу двор, где были привязаны лошади стигийцев, беспокойно двигающиеся и ржущие от звуков смертельной схватки, доносившихся из большого зала. Шум сражения заглушали крики агонии, когда у одного человека за другим отрывались конечности.

Конан спрыгнул, мягко приземлившись во дворе. Он быстро побежал к большой черной кобыле, которая принадлежала предводителю охотников. Он бы подождал, чтобы ограбить тела, потому что ему нужны были оружие и другие припасы. Кольчуга, которую он носил, будучи разбойником и другом Бэлит, давно уже износилась и проржавела, а его бегство от племени бамула было слишком поспешным, чтобы позволить экипироваться более полно. Но никакая сила на земле не смогла бы затянуть его в этот зал, где по-прежнему шествовала и убивала ужасная живая смерть.

Когда молодой киммериец отвязал лошадь, которую он себе выбрал, из входа в замок вырвалась кричащая фигура и топая бросилась через двор в его сторону. Конан увидел, что это был человек, который стоял часовым. Шлем стигийца и кольчуга защищали его в достаточной степени, чтобы пережить страшную смерть его товарищей.

Конан открыл было рот, чтобы заговорить. Он не испытывал любви к стигийскому народу; тем не менее, если из всего отряда уцелел только этот стигиец, Конан был бы не против заключить с ним плутовской союз, хотя бы временно, пока они не достигнут более населенной страны.

Но Конан не получил возможности сделать такое предложение, потому что от увиденного крепкий стигиец сошел с ума. Его глаза дико сверкали в лунном свете, а изо рта капала пена. Он ринулся прямо на Конана, размахивая саблей так, что она вспыхивала в свете луны, и крича: «Возвращайся в свое пекло, о демон!»

Примитивный инстинкт самосохранения выросшего в дикой природе киммерийца сработал без какого-либо контроля сознания. Когда человек оказался на расстоянии удара, меч Конана уже не был в ножнах. Удар за ударом, высекая искры, сталь звенела о сталь. Когда стигиец с озверевшими глазами развернулся, чтобы снова занести саблю, Конан воткнул кончик меча в горло сумасшедшего. Стигиец забулькал, покачнулся и упал головой вниз.

Какую-то секунду Конан стоял, опершись о седло кобылы, переводя дыхание. Дуэль была короткой, но свирепой, а стигиец был непростым соперником.

Из древней кучи камня больше не доносились страшные крики. Не было ничего кроме зловещей тишины. Потом Конан услышал медленные, тяжелые, шаркающие шаги. Неужели это пожирающее людей чудовище расправилось со всеми? Неужели оно тащило свою бесформенную массу к двери чтобы появиться во дворе?

Конан не стал ждать пока это выяснится. Дрожащими пальцами он развязал кольчугу и стащил ее с мертвеца. Он подобрал также шлем стигийца и его щит, сделанный из кожи какого-то толстокожего степного зверя. Он поспешил привязать эти трофеи к седлу, взобрался на лошадь, взялся за поводья и ударил кобылу по ребрам. Галопом он пронесся из разрушенного двора в район высохшей травы. С каждым ударом летящих копыт замок древнего зла удалялся.

Где-то за кругом мертвой травы, возможно, по-прежнему бродили голодные львы. Но Конану было все равно. После диких ужасов черной крепости он бы с радостью померился силами с обычными львами.